

© 2012 г. В. В. ТРЕПАВЛОВ*

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ ПОСЛЕ ЕРМАКА: РОССИЙСКОЕ «ЦАРСТВО» И ТАТАРСКИЙ «ЮРТ»

Присоединение Западной Сибири к Московскому государству в конце XVI в. подробно исследовано в историографии. Большинство научных трудов посвящено походу Ермака, утверждению победителей в отвоеванном у татар Сибирском юрте, организации русского правления в новообретенном крае, борьбе казаков и служилых людей с ханом Кучумом и его сыновьями. При этом противники казаков изображаются лишь как необходимый фон «покорения Сибири». Внимание исследователей к Кучуму, Кучумовичам и их сторонникам, как правило, несопоставимо с интересом к русским участникам событий, которые традиционно находятся в центре повествования и исследования¹. Мне неизвестны монографические работы, специально посвященные судьбе сибирско-татарских венценосцев после их разгрома Ермаком. Непосредственно о Кучуме написана, видимо, только популярная книга М. Абдирова, а о Кучумовичах – несколько статей². Отдельные же сюжеты, связанные с жизнью хана, его детей и внуков после его рокового сражения с Ермаком в 1582 г., присутствуют во многих работах о Сибири и сопредельных регионах конца XVI–XVII вв., не говоря уже об общих сводах сибирской истории, написанных на протяжении XVIII–XX вв. Совершенно особая тема – проживание Кучумовичей в Московском государстве. Многие представители этой семьи в конце XVI – первой половине XVII в. были захвачены в плен и увезены на жительство в европейскую часть владений русского «белого царя».

А.Г. Нестеров, исследовавший историю Сибирского ханства, выделил первую треть XVII в. как заключительный, пятый этап истории юрта, когда наследники Кучума пытались восстановить свою власть³. Д.Н. Маслюженко также ставит эту проблему: «Существовало ли Сибирское ханство при наследниках Кучума на протяжении первой половины XVII века?.. Сама титулатура (Кучумовичей. – В.Т.) и ее периодическое признание русскими царями скорее говорит о них как о правителях отдельного улуса»⁴. Между тем скитания этих наследников по степям и лесам, попытки хоть в какой-то мере вернуть наследственные владения под свою власть, убедить или запугать бывших подданных, чтобы те не платили подати завоевателям, постоянные набеги на русские, татарские и башкирские поселения, альянсы с ногаями и калмыками – все это представляет собой загадочную, интересную и поучительную страницу истории России. Борьба свергнутого Кучума, его детей и внуков со сменившими их новыми властителями Сибири продолжалась долгие годы. На протяжении целого столетия во внутренних районах государства происходило движение, которое временами напоминало партизанскую войну. Длительность этого явления удивительна, особенно на фоне относительно быстрого подавления – за несколько месяцев или лет – общеизвестных национальных движений в Московском государстве и Российской империи (башкирских, польских и прочих восстаний). Разве что Кавказская война XIX в. может быть поставлена в один ряд с движением Кучумовичей по продолжительности, хотя по степени напряженности и масштабам кровопролития она, конечно, превосходила сибирские события.

* Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00303а.

Кроме того, движение Кучумовичей – уникальный случай в геополитическом развитии России на фоне других татарских государств. Казанское и Астраханское ханства были завоеваны, можно сказать, молниеносно. На территории бывшего Казанского ханства неоднократно поднимались восстания, но ими руководили выходцы из нединастических кругов и зачастую даже не из татар (три так называемые Черемисские войны 1550–1580-х гг.). Сравнительно долгая на этом фоне военно-дипломатическая эпопея с присоединением к Российской империи Крымского юрта в последней четверти XVIII в. завершилась бескровным подчинением ханства и эмиграцией его последних правителей – Гиреев. В Сибири же правящая династия сохранилась, и несколько поколений ее представителей вели неравную борьбу с властями и вооруженными силами Московского государства. И пусть практически с самого начала была очевидна нереальность реваншистских замыслов, но Кучум и его наследники не желали молча и безропотно отдавать «неверным» пришельцам свой юрт. В свое время Иван IV превратился в «царя Казанского» при жизни последнего хана Казани Ядгар-Мухаммеда. Но тот проиграл Москве войну, попал в плен, находился в государевой свите, был обращен в христианство и, хотя продолжал титуловаться царем, своим смирением как бы оправдывал переход своего ханства под власть победителя. Последний астраханский хан Дервиш-Али при приближении русского войска, бросив свой город, «побежал в Азов, а оттоле к Меки (Мекке. – В.Т.)»⁵. В случае же с непокорным Кучумом российским правителям пришлось дожидаться его смерти (около 1599 г.), дабы официально заявить о своем праве на его юрт и включить формулу «царь Сибирский» в титул московского государя.

Сведения об этой борьбе сохранились главным образом в документации, связанной с управлением сибирскими землями в XVII в., т.е. в ведомстве Сибирского приказа⁶. Значительная часть документов в разное время была опубликована. Одним из первых краткую историю движения Кучумовичей представил на страницах своего труда «История Сибири» Г.Ф. Миллер⁷. В приложениях он привел множество источников по сибирской истории конца XVI–XVII вв. В Российском государственном архиве древних актов содержится немало материалов по данной теме, пока не введенных в научный оборот. Кроме того, последовательная, хотя весьма лаконичная и порой искаженная панорама движения Кучума и Кучумовичей предстает на страницах обширного свода сибирских летописей, а также некоторых литературных памятников той эпохи («повестей», «сказаний»).

Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в *казаков*. Этим старинным тюркским словом на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие «казак» приобрело и другие значения, в том числе и в русском языке⁸. В русских источниках XVII в. к Кучумовичам применяли меткое обозначение «бродячие царевичи». Оно с предельной точностью передает как социальное положение и образ жизни высокородных изгнанников, так и изначальное, тюркское значение понятия «казак».

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях Южного Урала, Юго-Западной Сибири и современного Северного Казахстана можно в целом охарактеризовать как прозябание в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняющихся, приходящих и уходящих временных соратников. Они не смогли бы продержаться в своем «казачьем» состоянии на протяжении нескольких десятилетий, если бы судьба не послала им партнеров и союзников. В качестве таковых эпизодически выступали ногаи, гораздо чаще – башкиры, но настоящим тылом и многолетней опорой Кучумовичей стали новые фигуранты сибирской истории XVII в. – калмыки. Именно в альянсе с ними свергнутые татарские династии превратились в постоянный раздражающий военный фактор для русских властей.

То, что в русском языке называется ханством, в татарском обычно обозначается словом «юрт». Юрта в собственном смысле, т.е. фиксированной, закрепленной территории проживания и кочевания у изгнанного хана и его отпрысков после 1582 г. не было⁹. Они часто перемещались с места на место, в зависимости от военной и политической ситуации, возможности прокормления, степени поддержки со стороны покровителей-калмыков и «подданных», число которых тоже постоянно менялось. Однако официально «Сибирское царство» после свержения Кучума продолжало существовать, просто его правителем теперь считался московский царь (таким же статусом обладали и другие завоеванные татарские юрты – Казанское и Астраханское «царства»). На протяжении конца XVI–XVII вв. определенно просматривается некоторая условная автономия трех восточных «царств» в составе России. Эти территориальные образования дожили до петровских областных реформ начала XVIII в., когда уступили место губернскому и провинциальному делению.

Видимо, в определенном смысле и татары считали, что Сибирское ханство продолжало существовать после окончательного разгрома хана Кучума на Оби в сентябре 1598 г. и его смерти около 1599 г. (скорее всего в Ногайской Орде). На первое место в это время выдвинулся старший сын Кучума Али. В некоторых текстах XVII в. Али титулуется ханом – царем. Это звание уверенно приписывается ему в татарской исторической традиции. В анонимной хронике «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) перечисляются «Кючюм Хан, его сын Али Хан, его сын Арслан Хан (это уже касимовский царь. – В.Т.)»¹⁰. Шихабуддин Марджани об этом касимовце Арслане писал: «Его отец Али, его предки Кучум, Муртазаали, Абак, Махмуд, Хаджимухаммед были сибирскими ханами»¹¹. При этом другие Кучумовы потомки в данной традиции не фигурируют, т.е. не считаются носителями ханского титула.

Русские источники не столь единодушны в обозначении ранга старшего Кучумовича. В грамотах сибирских воевод 1603–1607 гг. Али обозначается как царевич¹². Но это могло быть следствием щепетильности адресантов, которые не осмеливались называть царем нищего, бесприютного «казака» в своих донесениях на государево имя. Через полтора столетия этот высокомерно-имперский подход откровенно сформулировал Миллер: «Было слишком большой честью для татарских народов называть их ханов царями, а их сыновей царевичами; однако же это было в обычае»¹³. В то же время русские тюменцы – участники сражений с Али – в своих челобитных на высочайшее имя уверенно пишут о походах «на Алея царя», происходивших после разгрома Кучума на Оби¹⁴. Да и в описи архива Посольского приказа хранилась «челобитная с помостью сибирского царя Алея Кучумова внука Занейбека царевича», т.е. Джанибека, внука Али, без указания года¹⁵. Впрочем, в данном случае не исключено простое повторение текста обращения Джанибека (Занейбека), а не действительный показатель обладания Али «царским» званием. О признании «кучумлянами» его своим ханом прямо говорится в грамоте уфимского воеводы М.А. Нагого тюменскому воеводе Л.А. Щербатову, написанной не ранее 9 марта 1601 г. и передающей вести из степи: «А брат де их большой Алей царевич, Кучумов сын, а они де называют его царем»¹⁶. Очевидно, это была первая информация о новом статусе Али. Миллер связывал эту перемену в его положении с кончиной отца, случившейся, по его мнению, в том же 1601 г.¹⁷ Представляется, что это наиболее вероятная датировка «воцарения» Али (хотя в литературе встречаются и другие мнения¹⁸).

Неясность положения Али усугублялась раздорами между Кучумовичами по вопросу о наследовании трона. Отголоски этих споров донесли документы первых годов XVII в. В 1603 г. тюменский воевода князь А.Д. Приемков-Ростовский извещал туринского голову о том, что «двор де Алеев, лутчие люди, Алея царем не хотят звать, потому что мати его роду невеликого, а хотят де назвать царем Каная»¹⁹. Кучумов сын Канай действительно был сыном некоей знатной *бегим*, проживавшей в то время в городе Сауране²⁰ (на юге современного Казахстана). Происхождение же матери Али, «царицы Чепшан», неизвестно. Однако составленная в 1599 г. функционерами Посольского приказа роспись жалованья Кучумовой родне, плененной в битве на Оби, наглядно

демонстрирует ее невысокий статус. Перечень ханских жен в этой росписи начинается с «большей» хатун Султаным и заканчивается именно Чепшан – восьмой по счету²¹. В.В. Вельяминов-Зернов посчитал, что в роспись вкралась ошибка: не могла мать старшего ханского сына быть восьмой по рангу²². Но если гарем ранжировался по знатности его насельниц, то неродовитая мать Али вполне могла оказаться на последнем месте.

Косвенным показателем на время перехода ханского ранга к преемнику Кучума могут служить соответствующие изменения в царском титуле московского государя²³. Как известно, указание на правление сибирскими землями появилось в нем задолго до побед над Кучумом. «Всея Сибирские земли повелитель», «обладатель... великия реки Оби» фигурируют в перечислении подвластных территорий с середины 1550-х гг. – очевидно, в результате переговоров с посольством сибирского бека Ядгара о ясачном обложении юрта в пользу Москвы. Все эти компоненты присутствуют и в титуле царя Федора Ивановича, при котором Кучуму было нанесено окончательное поражение. Сменивший Федора на российском престоле Борис Годунов извещал сибирских управленцев о своей коронации в 1598 г. как о принятии власти «на великом государстве Владимирском и Московском и Наугороцком и на царстве Казанском и на Астороханском и на всех государствах Российскаго царства»²⁴. Как видим, Сибирского царства здесь еще нет, хотя оно, возможно, «скрыто» в финальной формуле «всех государствах». Затем статус Сибири стал наглядно меняться: она стала «царством» и переместилась из конца титула в почетную начальную часть. Впервые это отмечено в статейном списке посольства А.И. Власьева 1599–1600 гг. в Священную Римскую империю. Кстати, то же посольство разместило во владениях императора Рудольфа II заказ на новый царский венец – шапку Сибирскую, которая была доставлена в Москву в 1604 г.²⁵ Впрочем, титульная новация приживалась постепенно. В марте 1601 г. Годунов писал польскому королю Сигизмунду III с прежней интитуляцией «всее Сибирские земли и Северные страны повелитель»; из царств там поименованы только Казанское и Астраханское²⁶. Но в мае 1604 г. в Грузию и в сентябре того же года в Речь Посполиту повезли послания от Бориса Федоровича вновь как от «царя Казаньского, царя Азстараханьского, царя Сибирского»²⁷. Примечательно, что татарский хронист Кадыр Али-бек в своем сочинении 1602 г. называет «падишаха Бориса Федоровича-хана» обладателем престола Казани, престола Хаджи-Тархана (Астрахани) и престола Туры (*тахт-и Тура*), т.е. Сибирского юрта²⁸. Таким образом тот предстает как правитель трех татарских «царств» – именно в той их последовательности, которая утвердилась в титуле.

Полагаю, что причиной такого изменения в титулатуре, а также замысла изготовить шапку Сибирскую послужило известие о смерти «царя» Кучума (приблизительно в 1599 г.), в результате чего его ханство лишилось легитимного татарского монарха. Сходное суждение высказал еще Н.М. Карамзин: «Истребление Кучюма... как бы запечатлело для нас господство над полунощною Азиею»²⁹. Выше говорилось, что в исторической памяти татар последним сибирским ханом остался Али. Однако в синхронной узбекской (хивинской) традиции – в унисон русской трактовке – ханская власть в Сибирском юрте закончилась все-таки на Кучуме. Это следует из утверждения Абул-Гази о том, что с этим ханом пресеклась сибирская ветвь династии Шибана, сына Джучи³⁰. Хивинский хронист наверняка знал о борьбе Кучумовичей, но уже не видел в них полноценных, законных династов. Видимо, такой же трактовки придерживались и русские современники событий начала XVII в.

В крестоцеловальной записи восходившего на московский трон Василия Шуйского и в его перемирной грамоте с Сигизмундом III снова, как и до Годунова, значилось «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель»³¹. Очевидно, обстоятельства Смуты в Московском государстве не способствовали стабильности в доскональном определении нюансов царского звания, что опять отразилось в вариативности обозначения сибирских владений. С окончанием Смутного времени Сибирское царство прочно вошло в титул. Михаил Федорович в 1613 г. извещал, в частности, персидского шаха Аббаса I о своем воцарении «на великих государствах на Владимирском и на

Московском, и Новгородском и на царствах Казанском и Астраханском, и на Сибирском, и на всех преславных государствах Российского царствия»³². Триада татарских царств обрела наконец устойчивую форму, просуществовавшую до петровской эпохи: «Самодержец Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, царь Асторханский, царь Сибирский, государь Псковский» и т.д.³³ Причем в некоторых случаях Сибири в составе России приписывался несколько повышенный статус. Когда в 1628 г. в Тобольске сгорела съезжая изба вместе со всеми бумагами и печатью, тобольский воевода просил у царя Михаила распорядиться насчет срочного изготовления новой печати – копии старой, так как только она вызывает доверие у ясачных. «А на печати, государь, было написано: печать царства и великого государства Сибирского города Тоболска, а в середках вырезано два соболя, а меж ими стрела»³⁴. То есть Сибирь официально считалась еще и «великим государством», чего, кажется, не замечается в то время за Казанью и Астраханью.

Таким образом, несмотря на притязания старшего Кучумовича на ханское звание, московское правительство не желало видеть в нем законного правителя Сибирского юрта и соответственно признавать за ним монархический статус, которым в прошлом обладал Кучум. Впрочем, возможно и иное видение данной ситуации. По мнению А.В. Белякова, в России «за Али признали титул сибирского царя, по-видимому, с целью не допустить провозглашения в Сибири нового хана из числа других потомков Кучума»³⁵. Но все же, думается, объявление московского государя царем Сибирским не нуждалось в искусственном дублировании этого звания татарским династом. Другое дело, что русское правительство сохранило за Али номинальный ханский ранг, уже приобретенный им в Сибири до плена. Однако в таком случае существование сибирского хана являлось в глазах татар неоспоримым и не нуждалось в московском признании.

В конце XVI в. в степях Юго-Западной Сибири начало ощущаться присутствие калмыков (западных монголов – ойратов)³⁶. Это были пока первые сигналы широкой миграции, которая развернулась в следующем столетии. Связи Кучума с пришельцами из Монголии оказывались, судя по всему, редкими и эпизодическими, в отличие от позднейшего всеохватного сотрудничества с ними его сыновей. В то время нехватка пастбищных территорий, междоусобные распри, неудачи в противостоянии с соседями вынуждали ойратов искать новые земли для поселения и кочевания. До второй половины XVI в. они стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и узбекских ханств для установления контроля над торговыми путями и подчинения земледельческих областей. Одновременно они вели тяжелые войны с восточными монголами (халха) – за контроль над всей Монголией и с казахами – за пастбища. Неоднократные поражения в этих конфликтах вызвали, в частности, изменение в направлении миграций. Вытесненные из Монголии племена торгутов и дербетов двинулись севернее, в обход казахских владений – и столкнулись с Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Первая до конца XVI в. успешно отбивала их поползновения проникнуть вглубь Дешт-и Кипчака, второе пыталось обезопасить свои рубежи. Кучум возвел «городок Куллары, и той опасной крайней Кучумовской от калмык, и во всем верх Иртыша крепче его нет»³⁷. Он являл собой довольно мощное фортификационное сооружение, надежно охранявшее путь по реке: в августе 1584 г. Ермаку не удалось взять эту крепость после пятидневной осады³⁸.

В первые годы XVII в. калмыцкие кочевья вплотную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских и тарских воевод. По подсчетам М.М. Батмаева, к российским рубежам в то время прикочевало около 60 тыс. кибиток, или 240 тыс. человек³⁹. Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлением убежища в случае военных неудач. Правда, для калмыцких предводителей (*тайшей*) связи с высокородными «казаками» стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казахами, они более всего желали обрести пространство для кочевания,

главным образом, за счет ослабленной и раздробленной Ногайской Орды. В первой половине XVII в. присутствие ойратов отмечалось на пространстве от оз. Кукунор (к северо-востоку от Тибета) до Волги (более 6 тыс. км) в широтном направлении и от рек Тобола и Оми до Аму-Дарьи в меридианальном (более 2 тыс. км)⁴⁰. Таким образом, их кочевья огромным «языком» протянулись через весь Восточный Дешт-и Кипчак, где до того безраздельно господствовали ногаи. Кучумовичи установили с тайшами родственные связи. За Кучумова сына Ишима выдал дочь предводитель торгутов Хо-Урлюк. Затем Ишим взял в жены сестру Чохура и Байбагаса, владетельных князей из другого ойратского племени – хошутов. Новые родичи служили ему в общем надежной опорой. В лагере Чохура он жил, и тот отказывался удерживать его от набегов, Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах⁴¹. Как докладывал в отписке на государеву имя тобольский воевода в 1634/35 г., «Кучюмовы внучата поженились в колмаках у болших тайшей на ближнем племени». При этом из калмыцких кочевий шли вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людьми подмогут. А Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка»⁴².

Еще одним стимулом для Ишима сотрудничать с калмыками была их военная сила, позволявшая как поживиться в набегах, так и напомнить окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие «напоминания» адресовались башкирам. Ведь по убеждению Ишима, высказанному им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских землях, «тех волостей люди его холопи»⁴³. От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с башкир Китайской волости, а иначе «вас... Ишим царевич учнет воевати, а ныне... Ишим пошел в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати»⁴⁴. Правда, царевич пробовал приписать набеги и требования ясака с башкир самовольству калмыков и своей зависимостью от них («Приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, и яз... с ними приходил на башкирские волости одно да и то неволею»⁴⁵). Но вся история отношений Кучумовичей с башкирами свидетельствует о неискренности этих отговорок. Нашупывая слабые места в обороне пограничных уездов, сибирские царевичи предпринимали попытки обьясачить местное население.

В отношениях с русскими «казачествующие» Кучумовичи держались с предельной осторожностью. Резонно ощущая численный и военный перевес противника, они готовы были обсуждать условия почетной капитуляции. Однако их шаги в этом направлении были крайне нерешительными и непоследовательными. Здесь играли роль и память об утраченном ханстве, и антирусский настрой их «подданных» татар и башкир, и опасения быть обманутыми, угодить в ловушки, расставленные русской дипломатией. Память об утраченном юрте взывала царевичей к отвоеванию прежде всего собственно сибирских местностей. В отношении их Ишим предъявлял притязания на понятных основаниях («а татар... называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины достигнути»⁴⁶). Здесь еще нужно учитывать соображения мести Кучумовичей русским: «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, ему де, Ишиму, приходит за то на государевы города войною»⁴⁷. При этом участие в степных военных кампаниях калмыков сулило царевичам большие гарантии успеха и большие трофеи, чем в рискованных столкновениях с русскими крепостными гарнизонами. Показательно, что свои только что процитированные реваншистские замыслы Ишим сформулировал в разговоре с воинами дербетского тайши Далай-Батыра во время совместного похода на туркмен в 1624 г.

Покорение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они воспитывались и вырастали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и «дядек» (воспитателей) нормы жизненного уклада ойратов. Как известно, принадлежность к династическому дому Чингисидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия

формальной родовой солидарности как с тюркскими кланами, так и с племенными подразделениями ойратов. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками. Впрочем, это не мешало им помнить о своем царственном происхождении и время от времени служить знаменем борьбы за освобождение местных народов от российской власти.

Характерно, что в роде Кучума немногие царевичи носили арабские (мусульманские) имена. Большинство было наречено именами тюркскими, т.е. условно говоря, «языческими» – неисламскими. Сохранение верности религии, принятой предками, едва ли служило препятствием для сближения «казаков» с окружавшими их калмыками. Приверженность исламу была способна подпитывать в них тюрко-татарскую идентичность (а заодно и солидарность с единоверцами, оказавшимися во власти «неверных»). И все же иная культурная среда не могла не накладывать отпечаток на их личность и поведение. Так, в 1632 г. при походе к реке Исети (притоку Тобола) царевич Аблай обещал местным татарам не убивать их, ограничившись сбором одежды и саадаков, и при этом «им по калматцкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил»⁴⁸. Здесь вкратце описан обряд традиционной монгольской присяги (*шахан*), который впоследствии претерпел у калмыков изменения под влиянием буддизма.

Патронат над беспокойными «казаками» приносил тайшам пользу в виде не только военного подкрепления (весьма незначительного) во время конфликтов с казахами и русскими, но и некоторого материального пополнения. Ведь смысл сманивания российских ясачных в степные стойбища состоял в увеличении плательщиков ясака в пользу как царевичей, так и тайшей. Известны случаи доставления ясака Кучумовичами к их калмыцким покровителям⁴⁹. Последние справедливо расценивались татарскими династами как наиболее могущественная сила в Дешт-и Кипчаке. Громя раздробленных и отступающих ногаев, калмыки все более уверенно занимали степи между Иртышом и Волгой, одновременно не оставляя попыток захватить пастбища в Юго-Западной Сибири и на Южном Урале.

Лишь изредка, на фоне усиления мятежных настроений среди народов Западной и Южной Сибири, возникал призрачный шанс на одоление русских, изгнание их из края и возрождение «Кучумова царства». Но все восстания рано или поздно угасали, власти наводили порядок, злоупотребления местных управленцев на время уменьшались, и Кучумовичи снова оказывались без сколько-нибудь заметной поддержки. Похоже, что провал всех мечтаний о реставрации Сибирского юрта и тщетные попытки противостояния все усиливающимся русским в Сибири и на Южном Урале привели к тому, что у царевичей в конце концов опустились руки. Единственную и вынужденную опору они видели в ойратских политических объединениях. Но внимание и интересы традиционных партнеров Кучумовичей – торгутских и части хошутских тайшей – все более обращались в западном направлении. Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей⁵⁰). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу. Там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчиненное Московскому государству. Откочевал на юго-запад и давний, надежный партнер Кучумовичей Хо-Урлюк с сыновьями.

После утраты своей столицы Искера Кучум предпринимал неоднократные попытки обрести поддержку среди бывших подданных, вассалов и соседей. В целом все они не проявили энтузиазма в этом вопросе. Солидарность разных народов и племен, даже под знаменем борьбы с новыми пришлыми властителями края, едва ли была достижима. Конечно, здесь сказывались этнокультурные различия, какие-то застарелые обиды, межплеменные распри. Иногда провал объединительных попыток Кучума объясняют его не вполне легитимным ханским статусом («узурпатор»⁵¹) или чрезмерной авторитарностью его правления до 1582 г. Наверное, все эти факторы, неоднократно проанализированные в историографии, действительно имели значение.

Но думаю, что была еще одна причина, по которой Кучуму не удалось сплотить вокруг себя сибирских аборигенов. Это фатальная потеря им трона и, соответственно, утрата необходимого атрибута всякого государя, а именно явления, которое у средневековых тюрков обозначалось персидским выражением *фарр-и падишахи*, т.е. «царственный фарр». Его можно истолковать как божественное благоволение, небесное избрничество, харизму правителя⁵². Утрата правителем «царственного фарра» означала прекращение его поддержки высшими силами, отсутствие их покровительства. Помогать ему в такой ситуации означало бы вступить в противоречие с волей потусторонних вершителей земных судеб, которые разочаровались в своем былом избраннике. Позднейшее осознание обреченности юрта сибирскими татарами иллюстрируется следующим феноменом их общественного сознания. После завоевания ханства среди суевежных татар получили хождение рассказы о зловещих приметах, якобы предвещавших этот катаклизм накануне прихода Ермака (окрашивание вод Иртыша в цвет крови и т.п.). Эти приметы упомянуты в Ремезовской летописи и красочно описаны у Карамзина⁵³. Очевидно, еще и поэтому широкой поддержки свергнутый хан нигде не смог найти.

Похожее отношение испытывали и к потомкам Кучума – все менее успешным и временами жалким в своем скудном прозябании, борьбе за выживание, зависимости от калмыцких покровителей. Многие коренные жители региона считали за лучшее переселяться целыми родами в дальние края, чем подчиняться новым властителям Сибири или помогать старым. На основании известных мне материалов я не могу поддержать мнение о «популярности Кучумовичей среди тюркского населения Сибири, позволявшей им поднимать здесь восстания вплоть до начала XVIII в.» – популярности, проистекавшей якобы из их исконной легитимности: «Кучумовичи являлись единственно законными наследниками улуса Шейбани в Сибирском царстве»⁵⁴. Мне представляется крайне сомнительным, чтобы телеуты, вогулы, селькупы, башкиры и проч. объединялись с татарскими царевичами на основании династических прав последних на забытый к тому времени улус Шибана. Принцы-«казаки» никогда не обладали достаточными авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почетным рангом номинальных лидеров повстанцев (телеутов и чатов в 1620–1630-х гг., башкир в 1660-х гг.).

Свидетельством безуспешности их борьбы и отсутствия широкой солидарности с ними служит такой факт, как молчание о них в устном творчестве и письменных родословиях тюркских народов Сибири. Там есть рассказы или упоминания о Кучуме (у тоболо-иртышских и барабинских татар был даже сложен эпос (*дастан*) «Кучумхан»⁵⁵), о некоторых его женах, о многочисленных мусульманских проповедниках XV–XVI вв., но не находится места для Кучумовых сыновей и внуков. Столетие их интриг и сражений прошло практически бесследно для исторической памяти коренных жителей края.

Существенным препятствием для исторических перспектив Кучумовичей оказалось еще и отсутствие у них внятной альтернативы российскому правлению в Сибири. Пусть это правление облакалось в жесткий режим воеводской администрации, временами проявлялось в лихоимстве и произволе местных властей, оборачивалось непосильным налогообложением. Но коренное население, кажется, не испытывало ностальгии по временам татарской гегемонии. Местные предания о Кучуме излагают легендарные подробности его ханствования, однако та эпоха вовсе не изображается как «золотой век», который закончился с приходом русских «конкистадоров». В историческом фольклоре северных народов грабительские набеги татар выглядят ничуть не более привлекательными по сравнению с правлением наместников «белого царя». «Раньше ведь, рассказывают, хантов татары ловили, а татар опять русские гоняли», – говорится в предании коми об их зауральских соседях⁵⁶.

Отсутствие массового и долговременного протеста татар и других народов бывшего Сибирского ханства против присоединения к России объясняется не только смирением

перед явным превосходством русских в военном деле и (впоследствии) в численности. В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири⁵⁷. Пренебрежение, высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. Мирное соседство обеспечивалось многоукладностью хозяйства пришельцев, охранительной политикой правительства по отношению к ясачным, отсутствием социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев. Межэтнические контакты легче устанавливались в отдаленных местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами. Кроме того, при утверждении российского подданства власть использовала традиционные для практики Московского государства и в то же время знакомые многим сибирским народам приемы и средства управления. Да и сам процесс присоединения территорий сочетал насильственные и мирные методы. Если была возможность убедить (а не заставить) местное население принять российское подданство, русская сторона использовала обширный арсенал стимулов и льгот. Такая тактика по отношению к сибирским «иноверцам» сохранилась в исторической памяти, в частности, татар Омской области (бывшего Тарского уезда, последнего пристанища Кучума), правда, своеобразно, с привнесением современных реалий: «Во время войны с Кучумом царь выпускал листовки, в которых призывал татар переходить к нему»⁵⁸.

Нельзя сказать, что движение Кучумовичей ограничивалось локальными рамками и не имело заметных последствий для российской истории. Дело в том, что их упорная борьба повлияла, в частности, на ход продвижения России за Урал. После завоевания Сибирского ханства русские стали селиться в Западной Сибири. В первые два десятилетия после Ермака там было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых «землиц», сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки (Березов, Сургут, Нарым) жили рыбным и пушным промыслом. Но в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тоболу, Исети, Миассу, Вагаю и Ишиму⁵⁹. Однако конфликты с сибирским ханом и царевичами, наряду с набегами ногаев и калмыков, приостановили этот дрейф в степь. В результате русло освоения направилось в восточном направлении, к Енисею – туда, где местные племена были более слабыми и разрозненными.

В целом наследникам хана Кучума «не повезло» с эпохой. Они оказались на пути двух мощных встречных исторических процессов XVII в. – восточной экспансии Московского государства и западной миграции ойратов. Обе эти политические силы неизмеримо превосходили лагерь соратников царевичей-«казаков» по многочисленности участников, ресурсной оснащенности, дипломатической искушенности, определенности целей и планов. В проектах российского правительства и калмыцких предводителей для Кучумовичей не находилось сколько-нибудь значительного места. Первое воспринимало их как досадное препятствие в утверждении русского правления за Уралом, вторые были готовы использовать их лишь как тактических союзников в попытках обосноваться на новообретенных кочевьях Дешт-и Кипчака и прилегающих местностей. Оказавшись между русским молотом и калмыцкой наковальней, сибирско-татарские династии не имели никаких шансов на успешный реванш, возрождение своего утраченного юрта.

Примечания

¹ Один из «столпов» сибиреведения, П.А. Словцов, откровенно сформулировал: «История Сибири для нас выходит из забвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы Кучумовой» (*Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1838. С. XXVII*). Впрочем, под «забвением» здесь можно понимать и констатацию отсутствия подробных источников по ранним периодам сибирской истории.

² Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996; Васьяков Д.А. Сибирский царь Девлет-Гирей // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 16–18; Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке // Родина. 1998. № 1. С. 60–63.

³ Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С. 112.

⁴ Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 5.

⁵ Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Норматского // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 5. С. 106. После IX в. в мусульманском мире установился порядок, в соответствии с которым паломничество правителя в Мекку означало его демонстративный отказ от престола и признание своего поражения в борьбе с противниками (Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 26).

⁶ До 1599 г. присоединенными сибирскими землями ведал Посольский приказ, затем приказ Казанского дворца (его документация не сохранилась), а с 1637 г. новообразованный Сибирский приказ.

⁷ При этом академическое начальство в 1750 г. ставило в вину Миллеру бесполезную трату времени и усилий на исследования «о истории татарской» (Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 94).

⁸ Чтобы отличить вольных изгоев-татар от русских служилых казаков, состоявших на государственной (государевой) службе, мы будем первых ставить в кавычки. Таким образом, Ермак, его соратники, а также соответствующая категория позднейших жителей сибирских городов и острогов – это казаки, а Кучум и Кучумовичи – «казаки».

⁹ Участь Сибирского юрта после прихода Ермака в татарской исторической традиции характеризуется глаголом *бозылды* («был разрушен, уничтожен») (см.: Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Беллич И.В. Култ святых в исламе: специфика универсального. М., 2009. С. 138).

¹⁰ Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Ćingiz-nāmā). [B.] I. Szeged, 2002. S. 32.

¹¹ Шиһабетдин Мәржани. Мөстәфәдәл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында җайдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзәлдә. Казан, 1989. Б. 186.

¹² См., например: Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Сборник документов. М., 1982. С. 146 («...где ныне кочует Кучумов сын Алей царевич с братьею»); Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. II. СПб., 1875. Стб. 77 («пришел к царевичу к Алею Уруз мурза нагайской»); РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 94 («Кучюмовы дети Алей царевич с братьею ссылаютца... с колмаками»).

¹³ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. III. М., 2005. С. 23.

¹⁴ РИБ. Т. II. Стб. 351, 401.

¹⁵ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 390.

¹⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. М., 2000. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Некоторые авторы относят воцарение Али к 1600 г. См.: там же. С. 656 (примеч. Ш.Ф. Мухамедьярова); Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936. С. 26); Говорят и о 1602 г. (Марджани. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч. I. Казань, 2005. С. 130). Марджани пишет, что в 1009 г.х. (1602 г.) сибирцы поставили ханом некоего Угу, и только «после него на престол взошел Гали хан».

¹⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 209.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Акты исторические. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841. С. 17.

²² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866. С. 55.

²³ О Сибири и ее отдельных регионах в составе царского титула в XVI в. см.: Филошкин А.И. Титулы русских государей. М., 2006. С. 205–206; Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 63). Wiesbaden, 2002. S. 127.

²⁴ РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 50 об.

²⁵ Лаврентьев А.В. Царевич – царь – пессарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 185, 187.

²⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). Т. 1. М., 1912. С. 72–73.

²⁷ Там же. С. 174; РГАДА, ф. 110, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 120. Аналогичную структуру большого царского титула применял и сменивший Годунова Лжедмитрий I (Лаврентьев А.В. Указ. соч. С. 14).

²⁸ Сборник летописей. Казань, 1854. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н. Березиным, т. 2, ч. 1). С. 3. Тура (Туран) – нередкое обозначение Сибирского ханства в тюркской исторической традиции XVI–XVIII вв.

²⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского Т. XI. СПб., 1824. С. 26.

³⁰ Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tatares. Т. 1. Texte. St.-Petersbourg, 1871. Р. 177.

³¹ ПДС. Т. 2. С. 719.

³² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892. С. 257.

³³ Там же. С. 361. При этом заметим, что на протяжении второй половины XVI и всего XVII в. при дипломатических контактах с Крымским ханством русская сторона не решалась включать татарские «царства» в титул самодержца. В ханском титуле перечисление земель, подвластных Гиреям, начиналось со словосочетания *Улуг Орда* – официального названия Улуса Джучи, частью которого номинально являлись Казань, Астрахань и Сибирь (Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевславского времени. М., 2003. С. 29–30).

³⁴ РГАДА, ф. 214, стб. 16, л. 353.

³⁵ Беляков А.В. Али б. Кучум // Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь. Москва; Нижний Новгород, 2009. С. 16.

³⁶ Калмыки – тюркское название ойратов, которые к началу XVII в. составляли союз пяти этнополитических объединений («племен»): хошутов, торгутов (торгоутов), дербетов, чоросов (джунгар), хойтов. Когда речь идет о северо-западной (сибирской) группировке ойратских племен, мы употребляем этнонимы «ойраты» и «калмыки» как синонимы.

³⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 342. Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе Омской области (см.: Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 88–89).

³⁸ Сибирские летописи. С. 342.

³⁹ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 26.

⁴⁰ Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. С. 41.

⁴¹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 105, 138, 139; РИБ. Т. VIII. СПб., 1884. Стб. 437.

⁴² РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 600–601.

⁴³ Цит. по: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки (далее – ИЗ). Т. 24. М., 1947. С. 46.

⁴⁴ РИБ. Т. II. Стб. 446–447. Табын – племя восточных башкир.

⁴⁵ Русско-монгольские отношения. 1607–1636. С. 105.

⁴⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 89.

⁴⁷ РИБ. Т. II. Стб. 456.

⁴⁸ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 463. На «калматцкую веру» здесь указывает шаманистский обряд, не связанный с буддизмом. Хотя буддизм стал широко распространяться среди ойратов уже с 1610-х гг.

⁴⁹ См., например: Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. С. 177.

⁵⁰ См.: Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // ИЗ. Т. 5. М., 1939. С. 61.

⁵¹ Мнение о Кучуме как чужеземном пришельце и завоевателе Сибирского юрта впервые было высказано А.Н. Радищевым в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири», написанном в ссылке в 1791–1796 гг. (Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 33). Этим же обстоятельством Радищев объяснил нежелание местных народов поддержать его в антироссийском сопротивлении: «Порабощенным

народам, а паче сибирским, которые платят дань или ясак, все равно платить оный царю российскийскому, Ермаку или хану Кучуму» (там же).

⁵² См. исследования этого феномена у средневековых кочевников (в основном на монгольском материале): *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997; *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 56–65.

⁵³ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. IX. СПб., 1821. Примечания. С. 254 (отдельная пагинация).

⁵⁴ *Пузанов В.Д.* Сибирское царство в геополитических представлениях тюркского мира // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 221. Под Шейбани цитируемый автор подразумевает Шибана, жившего в XIII в. монгольского улусного правителя, сына Джучи.

⁵⁵ *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. С. 152; *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 117.

⁵⁶ Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 19.

⁵⁷ Из исследований последних лет об этом см.: *Шерстова Л.И.* Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 70; Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 101–104; *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 80–89.

⁵⁸ Предание татар дер. Берняжки на левом берегу Иртыша (Омская область), цит. по: *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 1). Новосибирск, 2006. С. 109.

⁵⁹ Русские. М., 1999. С. 29.

© 2012 г. А. Б. ГУЛАРЯН*

М.А. СТАХОВИЧ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одним из незаслуженно забытых общественных и политических деятелей царствования Николая II является орловский дворянин и землец Михаил Александрович Стахович, один из основателей «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления, который «первым возвысил голос за свободу совести»¹.

М.А. Стахович (Младший) (1861–1923) появился на свет в родовом имении дворянской фамилии Перваго-Стаховичей – селе Пальна Елецкого уезда Орловской губ. В 1882 г. он окончил училище правоведения в Петербурге, после чего около года служил судебным следователем и товарищем прокурора в Ковно и уже в 1883 г. оставил государственную службу, посвятив себя общественной деятельности. В своих воспоминаниях он с гордостью писал о том, что на государственной службе пробыл всего 11 месяцев, да и то потому, что отец разгневался за его студенческие долги. Убийство Александра II и поворот Александра III к реакции стали для Стаховича, как и для большинства либерально настроенных молодых людей, потрясением. Михаил Александрович не застал крепостное право, но, по его собственным словам, «ненавидел его понаслышке», поскольку вырос и сформировался в эпоху либеральных реформ, на идеях Ю.Ф. Самарина, Б.Н. Чичерина, И.И. Васильчикова, А.Ф. Кони².

В 1892–1895 гг. Стахович был уездным елецким, а в 1895–1907 гг. – орловским губернским предводителем дворянства³. Как известно, предводитель дворянства, второй по значению после губернатора в негласной провинциальной иерархии, предсе-

* **Гуларян Артем Борисович**, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.